кинутой царицы – *Siste gradum, teque adspectu ne substrahe nostro*[60] / *Quem fugis . . . / Illa solo fixos oculos aversa tenebat; / nec magis incepto vultum sermone movetur, / . . . Tandem corripuit sese, atque inimica refugit / in nemus umbriferum . . .* (IV, 465–473).

И последний пример – трагедии Анненского на темы античных мифов, существенные как рецепция этого наследия и психологизированное продолжение и развитие его. Образ рук появляется в этих трагедиях часто (и в самом тексте и в ремарках), в отдельных частях он становится практически сквозным, в большинстве случаев он особо акцентирован, подчеркнут, ряд примеров – из числа шедевров поэтической пластики и глубинной психологии. Этот образ складывается не только из всех контекстов, где появляется слово *рука* (и даже его производные – *вручить*, *ручной*, *порука* и т.п.), но и из описаний действий, почти автоматически имплицирующих образ руки (*/при/касаться*, *протягивать*, *обнимать*, *прижимать*, *пожимать*, *гладить /ласкать/*, *указывать жестом*, *показывать* и т.п.) или предполагающих ее участие с большим вероятием (*держать*, *давать*, *брать*, *хватать*, *поднимать*, *бросать* и т.п.)[61]. Образ начинает "играть", когда руки или рука совершают движения: характер этих движений, функции и цели их, наконец, их пластика определяют природу этих действий и степень их выразительности. Особо отмеченными оказываются, конечно, не рядовые, обычные, профанически-бытовые, но семантически богатые, "ритуализованные" движения, за которыми стоят наиболее глубокие и ключевые смыслы, – мольба, клятва, проклятие, встреча и расставание, приветствие и прощание; приглашение, призыв и отсылка, отталкивание, изгнание; согласие и несогласие, отказ; радость и горе; указание, направление и подтверждение, отождествление. И в этой области "разрешающая" сила движения рук, как и выразительность их образа, несравненнно богаче, чем образы головы, глаз, губ и т.п. "Жестовый" язык держится более всего прочего движениями рук. Одно из них (и оно неоднократно изображено у Анненского) – простирание рук, тянущаяся рука, о чем говорилось ранее специально в контексте Танталова мифа.

Ниже – примеры из четырех "античных" трагедий Анненского[62]. В "Меланиппе", первой из них по времени, образ рук преимущественно встречается в ремарках. Ср.: Молча молится несколько времени, поднимая к небу белые, трогательно нежные руки (311) – Меланиппа закрывает лицо руками, потом отнимает руки и опускает голову (312); – Меланиппа стоит молча, опустив руки, вся бледная (318); – (поднимая вверх руку [и далее в самом

---

[60] Ср. *ne substrahe nostro*, обращенное и к Анхизу (VI, 698).

[61] Иногда приходится считаться и с частями рук (плечо, ладонь, особенно пальцы, с глубокой мифологической семантикой и архетипическими ассоциациями).

[62] Цит. по кн.: *Иннокентий Анненский*. Стихотворения и трагедии. Л., 1959.

тексте – *В.Т.*]). *Клянусь тебе я горним алтарем / Кронидовым...* (321); – Меланиппа сначала стоит молча, скрестив руки (333); – Многие из толпы молитвенно пали ниц. Другие простирают к небу руки (335); – (в руке у него блестит длинный фессалийский нож); – Рабыни подносят Эолу детей. Он машет рукой (347); – (протягивая руки по направлению голоса) (363); – (Нащупывает руку кормилицы) (365). Но и в самом тексте трагедии: *Когда же в обитель Аида / Ужруки Кронида с Олимпа / Низвергнуть тебя простирались, / Не мать ли за сына молила...* (322); – *...Ели, / У кентавров в мощных длонях, / Смоляные пламенели* (325); – *О, из руки твоей холодный нож, / Наверно бы, дрожа упал...* (344); – *Нам вытканный приятней рук ее / Искусством плащ, чем слов ее плетенье...* (348); – *Иль руки у кого, когда отпилят / От тела их, болели?..* (358).

Начиная с "Иксиона", во всех остальных трагедиях значение поэтического текста как преимущественного (иногда почти исключительного) локуса образа рук возрастает, и это изменение локуса нельзя признать случайным: текст становится образнее, выразительнее, пластичнее, динамичнее (образ же рук в ремарках обычно оказывается статичным: В руке у него...). Ср. в "Иксионе": Она сидит близко к Иксиону, охватив руками колени... Руки у нее белые, небольшие и цепкие... (ремарка, далее – Р.) (374); – *...мне жаль / Тревожить сон безумный, хоть не ласки / Связали нас, а муки, и моих / Он жарких рук во сне искать не будет* (375); – цветы в руках и на волосах (Р.) (376); – В правой руке у него рог с маковыми зернами... Одни пьют, припав к кувшинам..., другие, закидывая белые руки за голову (Р.) (382); *... и старик / Дрожащей их хватал рукой, а дева / Мне, плача, простирала руки... / И ей хотел помочь я... И метался. / Она ж, ломая руки, исчезала* (384–385)[63]; – *Дрожавшая, не рукоять меча / Рука сжимать любила, только деньги* (385); – *Пред нимфами мечи из ваших рук, / Истомою объятых, выпадают* (387); – В руках у него стик с головой змеи (Р.) (388); – в руках у нее в виде жезла золотой лотос (Р.) (395); – *...и играть / Ее косой рука Кронида стала. / А Иксион из нежных рук харит, / Как из руки художника картина, / Пленяя глаз, выходит, обновлен* (398); – *И кубок был серебряный в руках / Обвит змеей...* (399); – *...но рукой / Решительной он отклоняет чашу...* (399); *...Как будто кто из рук / Мне вынул меч и дал держать ребенка* (402); – Иксион протягивает к ней руки..; потом отходит к дереву и садится, закрыв лицо руками (Р.) (412); – (молитвенно поднимая руки) (Р.) (421); – Нимфы молча молятся, в темноте мелькают их тонкие, белые руки (Р.) (422); – *Дай руку мне* (425); – (протягивая руку)

[63] Здесь же – *и видел / На пальцах я у ней ожогов след* (385).

(Р.) (425); – (отдергивает руку) (Р.) (425); – *Что держишь ты в руке*? (425); – *Пробежал / По всей руке мороз* (425); – Прикладывает свою руку с кольцом к его руке (Р.) (425); – . . . *к изголовью / Прильнув и белою обвив тебя рукой* (426); – (закрыв глаза рукой) (Р.) (426); – . . . кладет ему руку на плечо (Р.) (432); – *К ней подошла царица и на стол / Из рук ее выплескивает кубок*. . . (433); – (Протягивает руки) (Р.) (437).

Высоко диагностично большинство примеров из "Лаодамии" (1906, написано в 1902). Ср.: *Дерзкой рукой / Ложе мое не смято* (448); – *Но голоса не издавала грудь / И мягкие мои не гнулись руки* (452); – (Несколько секунд молится молча, поднимая руки к солнцу. . .) (Р.) (452); – *Я арфой в нем желанье разбужу / На нежные полюбоваться руки* (454); – . . . *Но трепетной руки / Мне ласково не тронул царь* (454); – . . . рука завязана, шлема нет (Р.) (458); – *А та рука, которая ему / Разрезала на нежной шее жилу, / Она еще и носит меч и жертвы / Приносит и вздымается к богам? / Или ее вы обрубили тут же*? (463); – . . . *Потом, / Обняв ее подножие рукою, / Шептать ей стала что-то*. . . (470); – *а ты / Рвешь волосы . . . Дрожа ломаешь руки*. . . (475); – *О милый, / Дай руку мне. . . И назови меня / Своей женой*. . . (480); – (глухо протягивая руку) (Р.) (480); – Лаодамия тихо целует руку мужа и выпускает ее (Р.) (481); – . . . *Твое прикосновенье / Мне так легко. . . / Иль сил в руках прибавилось?*. . . (481); – *Оплачь меня. Но рук / И уст моих не прикасайся больше*. . . (489); – (Простирая руки) (Р.) (494); – *Рука твоей вдовы / В чужой руке*. . . (494); – *Пока из нежных / Любимых рук /. . ./ Дар не прольется / На грудь земли*. . . (498); – *Мертвых / Холодное объятье любит мрак, / И белые на солнце руки тают* (499; о восковой статуе Протесилая); – . . . *Женщин, / Которые носили на руках / В младенчестве тебя*. . . (501); – В руках у нее статуя. . ; потом идет Лаодамия с чашей, которую держит в обеих руках (Р.) (504); – *В змахи мне чудятся рук, / Полные смерти ланиты* (505); – *Твоей руки прикосновенье было / Грубей зимы*. . . (507).

И, наконец, вакхическая драма "Фамира-кифаред" (1913), высшее достижение поэта в этом жанре. Ср.: *Иль и в лесу царям не стелют ложа / Нежней твоих две белые руки*? (518); – . . . *повис / Обруч из жарких, из белых рук* (520; то же, 521, 523); – *Белые руки все тянут вниз* (521); – . . . поднимает брошенный тирс, перебрасывает из руки в руку, бросает. . . (Р.) (522); – Фамира. Молодой, безбородый, белые руки. . . (Р.) (524); – *Дай мне руку* (525); – Берет его за руку (Р.) (525); – *Но белая рука, которой ты / Пожатия боишься, не пустила / Его на эту грудь*. . . (526); – *Где будем мы. . . / . . . на ваших / Гробницах спать – с при-*

жатыми руками... (527); – *Напомнил мне мой брак – и эту ночь / ... / Мой алый стыд и уступивших рук / Сцепленье и распалость* (528); – *Осу убив приманкой на косматой / Своей руке...* (529); – *Поди сюда, дай руку* (532); – ...ломая руки, смотрит вслед Фамире (Р.) (533); – *Рукой подать* – фиас, и очень шумный (538); – *Условия у нас в руках...* (540); – *Надменная – когда меж нас проходит, / Рукою подбирает платье. Пальцы и кольца хороши на розовых у ней / И тонких пальцах*[64] – *только, верно, руки / Холодные – и все глядит на них...* (541); – *вручаю / Тебе всего Фамиру – лиру мне / И кисть руки для струн, да разве сердце* (545); – (Поднимая руки) (Р.) (549); – (Руки падают). (Р.) (550); – Она с голыми руками (Р.) (556); – *Она ломает руки и бежит* (559); – Силен берет из рук его кифару и играет (Р.) (564); – Он закрыл лицо руками (Р.) (564); – Подходит к нимфе и берет ее за руку (Р.) (568); – *Мне ни слов, / Ни вас самих от вас не надо... Косы / Пушистые... рука...* (569); (Поднимает и оставляет упасть одну из бледных рук Нимфы) (Р.) (569); – ...подняв руку к глазам, точно защищается от света (Р.) (570); – Тень отнимает руку от лица и делает знаки (Р.) (570); – ...одной рукой срывает с головы хризантемы... Потом со стоном обводит рукой вокруг себя (Р.) (571); – ...падает на руки Силена (Р.) (574); – ...и при этом страшно машет руками... молча его обнимает... он сложил руки, прижав их к груди (Р.) (575); – На одной руке держит птицу (Р.) (576); – ...*и умер / От собственной руки...* (577).

Эта образность отражает и поэтический опыт Анненского, представленный в его лирике, и занятия переводами (трагедии Еврипида), и его филологические исследования в области античной литературы, и в этом смысле она выступает как результат сложного синтеза, не только донесшего до нас античный образ протянутой/простирающейся руки, но и изменившего и развившего этот образ далее.

2. О ТРАГЕДИИ Вяч. ИВАНОВА "ТАНТАЛ": К ИСТОЛКОВАНИЮ

В 1902–1903 гг. Вяч. Иванов почувствовал, что многие существенно важные идеи, мысли и образы, разрозненно возникавшие у него ранее, суть отражения некоего единого целого, представление о котором можно получить по истории Осириса и особенно Диониса-Загрея, привлекавшей к себе в это время усиленное внимание поэта[65]. Ядро этого единого целого составляет тема необходимой связи смерти и вечной жизни,

---

[64] К теме пальцев ср. 553, 561, 563 (дважды), 569, 578.

[65] В 1903 г. в "Высшей школе общественных наук" в Париже, организованной М.М. Ковалевским для русских, Вяч. Иванов читает курс лекций об эллинской религии Диониса, который имел большой успех и несколько позже был опублико-